

Б.В. Орехов (Москва)

**Перевод «Слова о полку Игореве»
Р.О. Якобсона и концепция авангарда¹**

Зачастую даже филологи не вполне представляют себе масштаб явления под названием «переводы “Слова о полку Игореве” на русский язык». Таких переводов существуют сотни и производство их продолжается, достигая в наиболее «урожайные» периоды нескольких экземпляров в год. См., например, переводы Л. Амелина (Псков, 2000), Н. Коркина (Рязань, 2000), З. Морозкиной (М., 2002), М. Вишнякова (М., 2003), А. Шестовой (М., 2003), Л. Гурченко (М., 2004), Ф. Моисеева (Смоленск, 2005), В. Темнухина (Н. Новгород, 2005). В последнее время к форме перевода всё реже обращаются профессиональные литераторы и исследователи (хотя поток научной литературы, посвящённый «Слову» не иссякает), и область всё активнее осваивается энтузиастами-любителями, которых вокруг древнерусского памятника необычайно много. По всей видимости, существует особый класс культурных артефактов, с особенной интенсивностью привлекающих внимание любителей: египетские пирамиды, Фестский диск, «Гамлет» Шекспира... Для русской культуры это несомненно «Слово о полку Игореве». Перевод становится либо этапом поэтического упражнения для начинающего литератора, либо средством утвердить свою трактовку некоторых тёмных мест древнего текста, придать им материальность воплощения, зафиксировать в ткани повествования. Чаще всего, эти трактовки подчёркнуто неакадемичны, и в сопутствующих пояснительных текстах подаются как открытие, противопоставляются традиционным прочтениям, связанным в сознании «революционеров»-любителей с именем академика Д.С. Лихачёва.

Из череды профессиональных литераторов одним из последних к «Слову» обращался Е. Евтушенко, который придал памятнику в своём переводе резко индивидуализирующие черты, ассоциирующиеся с его, Евтушенко, поэтическим стилем. Судя по сказанному поэтом в интервью, он сильно упростил себе задачу, ограничив существующую традицию переводов узким кругом имён. По словам Евтушенко, когда он готовил к печати монументальную антологию русской поэзии за всю её, поэзии,

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00363 "Языковые параметры философских и поэтических текстов в России и Европе 19-21 вв.").

историю, он остался недоволен предыдущими попытками перевести «Слово...» и взялся за дело сам: «Я прочел все переводы и понял, что „Слово о полку Игореве“ — сочинение очень сложное. В чем его сложность? Заболоцкий, например, — замечательный поэт, которого я очень люблю, — потерпел большое поражение, потому что попытался перевести „Слово о полку Игореве“ с рифмами, которых там нет. И вогнал строфику свою в очень строгий ритм, а это произведение не выдерживает никакой рифмовки и такой лепки» [Евтушенко 2002]. Когда Евтушенко говорит, что прочел все переводы, приходится подозревать его в своего рода рекламном преувеличении. Чтобы исполнить сказанное, поэту пришлось бы не только отложить составление антологии, но и взять отпуск в двух американских университетах, в которых он преподает, иначе не получилось бы найти и прочесть многие редкие малотиражные книжки с переводами древнерусского памятника, полузабытые и забытые издания XIX века. Из всех шедевров мировой литературы «Слово о полку Игореве» — произведение, переводившееся на русский язык наибольшее число раз.

Итак, за свою двухвековую историю переводческая деятельность вокруг «Слова о полку Игореве» успела реализоваться в разнообразных, порой причудливых, формах от жаргонного (*Высоко-законно ль, керифаны, // Нам базар на Игорька свернуть?*) до полуавангардного переложения, выполненного одним из основателей сюрреализма Филиппом Супо. Но даже на этом пёстром фоне особое внимание привлекает опыт, принадлежащий Роману Осиповичу Якобсону. Впервые его текст был напечатан в 1948 году в книге «*La Gest du prince Igor*» (Нью-Йорк), главной задачей которой была полемический ответ Андре Мазону по поводу высказанной французским славистом идеи поддельности «Слова».

Здесь перед исследователем встаёт непростая прежде всего методологическая задача. Как научным языком описать интуитивно ощутимую разницу текста Якобсона с остальными переводами? А описав, как следует обобщить и с чем следует соотнести это в высшей степени неординарное явление?

Особость перевода Якобсона очевидна из соотнесения текста и контекста. С одной стороны, перевод принадлежит выдающемуся русскому филологу, много сделавшему для изучения и популяризации «Слова». Мы привыкли к тому, что учёные, особенно филологи, выступают более как традиционалисты, стремятся учесть, усвоить и обогатить (а не отвергнуть) опыт предшественников (*контекст*). С другой стороны, практически в каждом фрагменте из 218, на которые сам Якобсон разделил «Слово», обнаруживает себя атипичное словоупотребление — с точки зрения литературного языка или с точки зрения известной академической традиции переводов (*текст*).

Во фрагменте 19 (*И рече ему буй турь Всеволодь*) Якобсон переводит

характеристику брата Игоря как «буйный тур» (*И сказал ему буйный тур Всеволод*). Этот факт не был бы замечателен, если бы среди десятков переводчиков до или после Якобсона этот вариант был законным и равноправным с другими. В действительности это место почти всегда переводится как «буй-тур», а «буйный тур» обнаруживается только в переводе Келтуяла (1928), с которым Якобсон мог быть не знаком. Фрагмент 67: «Чръна земля подь копыты костью была пос□яна, а кровію поляна». Против традиции переводить «чръна» как эпитет земли, Якобсон использует здесь глагольную форму, образованную с не самой частотной для этого корня приставкой: «земля, **зачерневшая** под копытами, была костью засеяна, а кровью полита, и взошли они горем на Русской земле». Если причастия от «почернеть» встречаются в НКРЯ больше тысячи раз, то причастные формы от «зачернеть» дают всего 9 вхождений. Такой выбор редкого варианта не случаен, потому что системно повторяется на протяжении всего перевода. Глагольная форма в этом месте встречается только в переводе Заболоцкого: «Мертвыми усеяно костью,|Далеко от крови **почернев**,|Задымилось поле под ногами,|И взошел великими скорбями|На Руси кровавый тот посев» (вертикальными чертами отмечены границы строк).

При этом следует отметить, что в принципе нехарактерные для современного русского языка обороты постоянно встречаются в переводах «Слова». Но чаще всего они при этом мотивированы самим древнерусским текстом, передают его колорит, служат своеобразным «фирменным» знаком именно этого текста. Так, во фрагменте 56 говорится о боевом пыле Всеволода: «Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Гл□бовны, свычая и обычая!» Сочинительное сочетание «свычай и обычаи» переключалось в большинство переводов, чему не помешало отсутствие слова «свычай» в современном русском языке. Но Якобсон, выбирая «странные» варианты для своего перевода таких очевидных решений избегает. Его аномалии не мотивированы древнерусским текстом напрямую. И в этом месте мы видим совсем другой способ передать исходную коллизию: «Пораздавал он удары, дорогие братья, забыв о почестях и богатстве, о Чернигове-граде, отчем златом престоле, и **о любви и ласке** своей милый зазнобы – пригожей Глебовны».

Как уже это было отмечено в приведённом выше случае, из двух не равнозначных по употребимости синонимичных вариантов Якобсон выберет малоупотребительный, имеющий архаизированный стилистический оттенок или маркированный каким-то иным образом. Фрагмент 50: «Стяги вестят». Глагол интуитивно понятен, но в том же НКРЯ находится всего два его употребления, приходящиеся на вторую половину XIX века, причём на стихотворные цитаты (в поэтическом корпусе — 3 употребле-

ния). То есть в прозе (а перевод Якобсона, отметим мы, прозаический) этот глагол вообще выглядит странно. Фрагмент 6: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ...» У Якобсона: «Мы же, братья, приступим к своему рассказу, оттого что о Русской земле **печаловались** князья от старого Владимира и до нынешнего Игоря, который искусил ум своею крепостью и отточил свое сердце мужеством». Слово «печаловаться», конечно, существует и даже означает в XX веке то, что имеет в виду Якобсон: «печалиться, скорбеть»: «Из-за бумажек этих да чтоб **печаловаться**? Жизни красоту ими измерять?» (Б. Васильев «Не стреляйте в белых лебедей», 1973). Но Якобсон выбирает как раз не естественное в этом контексте слово «печалиться», вероятно, ещё и потому что «печалование» в XIX веке означало заступничество церкви перед монархом: «...митрополит и вообще духовенство **печаловались** за опальных и брали их на поруку» (С.М. Соловьёв).

Нельзя точно сказать, имел ли для Якобсона глагол «печаловаться» такой же просторечный оттенок, как для современного носителя языка, но нельзя не отметить, что в переводе Якобсона количество такого рода слов и оборотов, балансирующих на грани просторечия, не единично, и набирает некоторую критическую массу: «**А по правде**, братья, не десять соколов на стадо лебедей напускал Боян» [5], «Сами они **носятся**, словно серые волки в поле» [25] «Владимир что ни утро в Чернигове **знай** зажимает уши» [61], «укачивая отца своего **промеж** Угорских иноходцев» [63], «**Нынче** до рассвета **кинулся** Игорь воротить полки на поле» [69], «Уж нам своих милых-ненаглядных ни в мыслях не помыслить, ни в думах не сгадать, ни в глаза не увидеть, а золотом да серебром и не **побренчать**» [83], «**Заглохли** твердыни городов, и веселье поникло» [92]. Список можно продолжить (номер фрагмента нами помещён в квадратные скобки).

Подробный стилистический анализ перевода Якобсона занял бы много места, потому что, как уже говорилось, практически в каждом фрагменте мы сможем найти представляющие интерес для характеристики этого текста лексические особенности, выделяющие его на фоне остальных. Стилистическое описание может быть дополнено и оценкой тех текстологических решений, которые Якобсон сделал при подготовке своего издания «Слова». Самый заметный ход восстановление концовки текста, исходя из несколько раз употреблённой в нём формулы «ищучи себе чти, а князю — славу». Якобсон предполагает, что финал в переводе должен выглядеть так: «Будьте здоровы, князья и дружина, ратующие за христиан с погаными полками. Князьям слава, а дружине честь». То есть сквозной сюжет поиска дружиной чести оказывается текстологом найден и «закруглён». Поскольку в дошедшей до начала XIX века рукописи ничего подобного не было, конь-

ектура Якобсона, конечно, выглядит весьма смело.

Такая противопоставленность (едва ли случайная и непреднамеренная) текста Якобсона традиционным подходам к переводу «Слова», конечно, нуждается в осмыслении. И продуктивная здесь видится именно концепция авангарда, предложенная Ю.С. Степановым, который настаивал на том, что «авангард вечен», то есть существует во все эпохи, по крайней мере, вписывающиеся в Новое время. Если несколько расширить это понимание и сформулировать тезис о том, что авангард существует не только «всегда», но и везде, то есть занимает своё место не только в художественном творчестве, но и, скажем, в научной деятельности (а перевод Якобсона — это прежде всего научная работа), то дальнейшее развитие этой идеи приводит к тому, что авангардизм как «тенденция отрицания традиций и экспериментальный поиск новых форм», как «позиция, противопоставленная "академизму"», как «явление, нарушающее и разрушающее привычные формы» [Степанов 2002: 48] это, безусловно, модели, описывающие работу Якобсона с переводом «Слова». Выделенные Н.А. Фатеевой и цитированные Ю.С. Степановым черты авангарда также находят своё воплощение в работе Якобсона — это и «формы с вертикальным контекстом (когда текст получает не только линейное развертывание, но и членится на отрезки, не обусловленные синтаксическим делением)» (синтаксическое деление действительно не определяет то членение на 218 фрагментов, которое предусмотрел Якобсон для своего издания «Слова»), и стирание «границы между собственно художественным и научно-филологическим жанрами».

Якобсон действует как авангардист. И такое его поведение, в принципе, не неожиданно, а в других сферах приложения его усилий и не замечено. Общение молодого Якобсона с футуристами, его собственные поэтические опыты — всем известны. Его стремление идти вразрез с установившейся парадигмой — тоже. Об этом, например, пишет в своей статье Е.В. Падучева: «интерес к семантике, прагматике (в том числе к фатическим и эмотивным аспектам высказывания) Якобсон пронес через самые антисемантические периоды развития лингвистической теории» [Падучева 1999: 552] и далее: «Оппозицию Якобсона к им же пропагандируемому структурализму можно объяснить мятежным и романтическим темпераментом (о котором пишет Вяч. Вс. Иванов в предисловии к сборнику Роман Якобсон Работы по поэтике, изданному в 1987 г.)» [Падучева 1999: 553]. Ещё более определённо, правда. С привлечением не обязательной здесь категории «насилия» высказался О. Проскурин в своей работе «Две модели литературной эволюции: Ю.Н. Тынянов и В. Э. Вацуро»: «Но опыт революционного авангарда отразился не только в этих искусственных аналогиях. Он определил самый фундамент теоретического мышления формалистов. Этот фундамент — поэтика садизма,

острое эстетическое переживание насилия. Прекрасен не только сам процесс созидания революционного искусства — прекрасен процесс уничтожения старого. Об этом — сотни стихотворений Маяковского, и не только Маяковского. И не случайно Роман Якобсон, особенно тесно в молодости связанный с футуризмом, в своей книге “О чешском стихе”, преимущественно в сопоставлении с русским» попытался придать понятию насилие терминологический статус: превращение “языка практического” в «язык поэтический» определяется именно как “насилие” (безо всяких пейоративных коннотаций, разумеется)» [Проскурин 2000].

Кому-то может показаться, что Якобсон похож на многочисленных упомянутых в начале любителей, во множестве производящих «революционные» переводы «Слова». Это было бы заблуждением. Энтузиасты приходят в филологические сферы извне и их пафос ниспровергательства продиктован их природной внеположенностью предмету, с которым они имеют дело. Якобсон же, отрицающий старое и ищущий новые формы, действует изнутри, опираясь на глубокое знание проблемы и традиции, и в этом смысле он гораздо больше заслуживает титула авангардиста, чем современные любители.

Литература

Евтушенко 2002 – *Евтушенко Е.* «Слово о полку Игореве» – жертва политической цензуры // Русский журнал. 29 марта 2002 г. URL: http://old.russ.ru/krug/20020329_zaslavsky-pr.html

Падучева 1999 – *Падучева Е.В.* Лексика поэзии и поэзия лексики // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.

Проскурин 2000 – *Проскурин О.* Две модели литературной эволюции: Ю.Н. Тынянов и В.Э. Вацуро // Новое литературное обозрение. М., 2000. № 42.

Степанов 2002 – *Степанов Ю.С.* Язык и искусство: динамический авангард наших дней. М., 2002.

О.В. Соколова (Москва)

Коммуникативные стратегии в агитационных, PR и авангардных поэтических текстах, адресованных детям

Поэты-авангардисты, отрицая прагматическую функцию искусства и постулируя «неприятие» детей, одними из первых обратились к агитационным и пропагандистским текстам, а также писали детские стихи (В. Маяковский, Д. Хармс, Г. Сапгир, О. Григорьев, Г. Лукомников, И.